

Глава 1

Сэ Чанмин снова очнулся погожим весенним днём.

Сознание возвращалось медленно, словно разум всё ещё блуждал в глубинах беспросветной Бездны. В той непроглядной темени не водилось и луча света — лишь вспыхивали то тут, то там болотные, гнилостно-зелёные искры. То были жадные, вечно голодные глаза рыщущих в поисках поживы злых духов. Но если падать ещё глубже, пропадали и они. Оставалось лишь вечное, нескончаемое падение вне времени и пространства, в котором со временем растворялись и боль, и радость, и сама память.

На этом рубеже, пожалуй, действительно наступала окончательная смерть.

Вдруг над самым ухом, подобно раскату грома, прогремел чужой голос, заставив Сэ Чанмина стряхнуть остатки оцепенения:

— Эй, парень! Ты там живой вообще?

Сэ Чанмин разомкнул веки. Глаза, слишком долго не видевшие дневного света, болезненно сощурились; мир вокруг расплывался мутными пятнами. Он инстинктивно вскинул руку, закрываясь от слепящего солнца, и попытался осмотреться.

Взору его предстал пологий склон, утопающий в сочной весенней зелени. Шагах в десяти раскинулся пышный персиковый сад. Деревья стояли сплошной стеной, их ветви, отяжелевшие от нежно-розовых бутонов, тихонько шелестели на ветру, напоминая застывшие в закатном небе облака.

Вокруг царило буйство весенних красок. Было очевидно: это не Бездна.

Бездна представляла собой узкую, удушливую расщелину, конца и края которой не существовало. Да и дна у неё тоже не было — байки о бушующих в самых глубинах реках кипящей лавы не имели ничего общего с действительностью. Уж в этом Сэ Чанмин, прыгавший туда дважды, разбирался лучше любого живого существа.

Незнакомец наклонился, намереваясь помочь ему подняться, и радостно затараторил:

— А я-то испугался, думал — покойника ненароком пнул! Слава небу, живой, а то ведь какой грех на душу — неуважение к мёртвым!

Он на мгновение запнулся и ворчливо добавил:

— Да и с трупом хлопот не оберёшься, пришлось бы в управу тащиться, докладывать...

Сэ Чанмин отвернулся, проигнорировав протянутую руку. Густая трава щекотала щеки, мешая обзору, однако чуть левее он всё же разглядел сухое деревце вышиной едва ли в три чи. В

окружении цветущей весенней зелени этот мёртвый ствол выглядел чужеродно, но Чанмину он был до боли знаком.

Он знал это дерево.

Когда-то на его сухих ветвях зрел единственный плод — ярко-алый, сказочно красивый на фоне белого снега. Вкус его Сэ Чанмин уже позабыл, помнил лишь, что тот показался ему горьким и невкусным. Но именно этот плод, съеденный на пороге смерти, спас ему жизнь и положил начало всем его несчастьям.

И теперь он, Сэ Чанмин, окончательно убедился: судьба действительно даровала ему ещё одну жизнь.

Никакой тревоги он не испытывал. Третье перерождение научило его олимпийскому спокойствию. Приподнявшись, Чанмин окинул взглядом коренастого, облачённого в короткую куртку дровосека, который с топором в руках и вязанкой хвороста за плечами с любопытством его разглядывал.

Проглотив тот проклятый плод, Чанмин мгновенно лишился чувств, и его занесло глубоким снегом. С тех пор он пролежал на этом склоне долгих три года. Всё это время он питался лишь росой да ветром, уподобившись сухому бревну и почти слившись с местным разнотравьем. Дровосек, поднявшийся в горы за хворостом, просто споткнулся обо что-то в густой траве и чуть не полетел кувырком. Решив, что наткнулся на корягу, он раздвинул заросли и к своему изумлению обнаружил человека. Точнее, нечто, что могло оказаться и мертвецом, и горным духом.

Убедившись, что парень твёрдо стоит на ногах, дровосек облегчённо выдохнул:

— И как тебя сюда занесло-то, малый?

Три года под открытым небом превратили его и без того ветхую, выцветшую холщовую одежду в жалкое рубище, свисавшее клочьями. Стоило Чанмину пошевелиться, как с него градом посыпались сухие листья и сорняки. С грязным лицом и всклокоченными волосами он сейчас больше походил на дикаря, нежели на человека.

К счастью, дикарём он не был. Пусть внешность и говорила об обратном, Сэ Чанмин сохранил разум и способность изъясняться, хотя язык от долгого молчания ворочался с трудом.

Дровосек оказался малым добродушным и разговорчивым. Посмотрев на юный возраст нежданного знакомого, он первым делом пожурил его за столь непотребный вид, а затем принялся выяснять, из какой тот семьи, грозясь спуститься в деревню и пожаловаться родителям.

Под конец он безапелляционно заявил:

— Раз уж я вытащил тебя отсюда, то считаюсь твоим спасителем! С тебя причитается хороший обед.

Сэ Чанмин пропускал болтовню мимо ушей. Его взгляд скользнул по новенькому, ещё ни разу не бывавшему в деле топору в руках мужчины. Начищенное до блеска лезвие сработало как зеркало, отразив его лицо.

Из металлической глади на него смотрел тринадцатилетний подросток. У его виска запутался и распустился мелкий дикий цветок, отчего весь его облик казался нелепым и даже забавным.

Чанмин стёр грязь со щеки, бережно вытащил цветок из волос, но выбрасывать не стал.

В самой первой его жизни, когда колесо перерождений ещё не было запущено, его разбудил вовсе не крик дровосека. Тогда крошечный, размером с ладонь птенец польстился на этот самый цветок у него на виске и неуклюже клюнул его коротким тупым клювом прямо в лоб. Только тогда он очнулся от глубокого сна.

Позже Сэ Чанмин поймал эту глупую пичугу и заботился о ней больше десяти лет.

Конечно, поначалу он не планировал заводить питомца. Чанмин не принадлежал к числу изнеженных, утопающих в роскоши молодых господ, готовых проливать слезы над раненой птишкой. Он вырос в захолустном городке в суровых Северных землях, в семье, где из имущества были лишь голые стены. Будучи младшим среди трёх братьев и двух сестёр, он с малых лет усвоил суровую истину: выживает тот, кто умеет добыть пропитание. Для жалости в его сердце места не оставалось.

Очнувшись после трёхлетнего сна, измученный голодом, он решил первым делом зажарить глупую птицу, так неосмотрительно попавшуюся ему под руку.

Но затея провалилась. Птенец оказался невероятно плаксивым. Поняв, что его собираются съесть, он зарыдал так горько и обильно, что его слезы мгновенно потушили едва разгоревшийся огонёк кресала, а само огниво вымокло настолько, что высечь искру повторно стало невозможно. У Чанмина не оставалось выбора — сырое мясо он есть не собирался, а потому отпустил бедолагу. Однако глупый птенец, сочтя себя смертельно оскорблённым, улетать отказался. Пользуясь тем, что развести огонь он больше не мог, он без тени страха увязался за ним и то и дело норовил исподтишка клюнуть своего несостоявшегося похитителя. Настоящее проклятие, а не встреча.

Впрочем, всё это дела минувших дней. Сэ Чанмин отогнал воспоминания: сейчас нужно было разобраться с настоящим.

Дровосеку на вид было за тридцать. Крепкий, привыкший к тяжёлому физическому труду, он так и лучился надеждой получить сытный ужин в награду за спасение.

Угостить его, разумеется, было совершенно нечем.

Оценив комплекцию мужчины и сопоставив со своими силами, Чанмин пришёл к неутешительному выводу: после трёх лет неподвижности его тело ослабло. Он мог бы прибегнуть к заклинаниям, черпающим силу из природной энергии, но задеревеневшие суставы едва повиновались, и при попытке сложить пальцы в священный жест он рисковал совершить ошибку.

Взвесив всё, Сэ Чанмин невозмутимо произнёс:

— Я беженец из Северных земель.

Дровосек озадаченно почесал затылок:

— Из Северных земель? Но в последние годы там не было никаких бедствий, с чего бы тебе бежать?

За две прошлые жизни Сэ Чанмин успел побывать и бессмертным праведником, и грозным владыкой демонов, уничтожавшим великие ордены. Однако в душе он оставался человеком честным, а потому ответил со всей прямоотой:

— Случился страшный снегопад, крыша нашего дома рухнула под тяжестью снега. Пришлось идти на юг, так я и оказался здесь.

Мужчина надолго задумался.

— Снегопад на севере был три года назад. Неужто ты всё это время бродил здесь? Тогда понятно, отчего ты так дико выглядишь.

Чанмин покачал головой и со всей серьезностью поправил его:

— Вовсе нет. Я просто прилёг вздремнуть.

Дровосек удивлённо охнул. Поверить в то, что кто-то способен проспать три года, он, конечно же, не мог.

— Да ты, парень, видать, умом тронулся... — пробормотал он под нос.

Чанмин рассеянно покрутил в пальцах сорванный цветок, пропустив оскорбление мимо ушей.

— Я говорю чистую правду.

Спокойный и чистый голос юноши не вязался с поведением обычного умалишённого. Дровосек занервничал, и в его голову закралась куда более жуткая мысль. В народе поговаривали, что в этих глухих лесах порой селятся оборотни и злые духи. С виду они точь-в-точь как люди, но повадки у них дикие, человеческих законов они не знают и не прочь полакомиться людской плотью.

От этой мысли по спине дровосека пробежал холодок. Он попятился на пару шагов, пристально вглядываясь в странного подростка. Действительно, всё в нём было подозрительно!

«Если это горная тварь, она не нападает лишь потому, что сыта!» — пронеслось в его голове.

Связываться с безумцем или, чего доброго, с нечистью дровосек не желал. Позабыв об обеде, он пролепетал что-то невнятное в оправдание, развернулся и поспешил убраться восвояси.

Сэ Чанмин молча смотрел ему вслед. Нелепая правда послужила отличным предлогом, чтобы спровадить незваного гостя. Спускаться к людям он пока не собирался — в горах у него оставалось неоконченное дело.

Когда суэта улеглась, пришло время заняться самым главным — отыскать глупую птицу.

В каждом из своих перерождений он просыпался при иных обстоятельствах — судьба вечно вносила свои непредсказуемые коррективы. Хотя время действия оставалось неизменным — тёплый весенний день, — в первой жизни его пробудил наглый клевок птицы, во второй он очнулся сам по себе, а теперь вот наткнулся на дровосека.

Вначале Чанмин думал, что птица просто сообразительнее остальных. Но со временем его повадки начали казаться пугающе разумными: он не только безупречно понимал человеческую речь, но и ухитрялся макать лапки в тушь, выводя корявые иероглифы на бумаге. Тогда-то он и догадался, что приютил истинного духовного зверя. Впрочем, даже это открытие не отменяло того факта, что его питомец оставался абсолютно бесполезной крохой.

По крайней мере, Чанмин никогда не слышал, чтобы рождённый под счастливой звездой духовный зверь за десять лет заботы так и не сумел принять человеческий облик.

Маленький нахлебник едва достигал размеров ладони. С круглой головой, коротким клювом и блёклым серо-белым оперением он уступал в красоте даже обычным лесным пичугам. Но за долгие годы Чанмин так привязался к нему, что руководствуясь вековым правилом «для отца и уродливое дитя милее всех», находил его невероятно очаровательным.

Поскольку сам Чанмин в семье был шестым ребёнком, он дал найденышу созвучное имя со своей фамилией — Сэ Сяоци.

Сэ Сяоци, этот наглый, невесть откуда свалившийся на его голову приёмш, напрочь был лишён скромности. Характер у него был вздорный и гиперактивный — сладу с ним не было никакого. Пока они жили среди смертных, он ещё как-то сдерживал свои аппетиты, довольствуясь парой свежих ягод в день. Но стоило им переступить порог мира совершенствующихся, как капризы птицы возросли стократно. Теперь ему подавай талую воду с заоблачных вершин да редкие духовные плоды. Перьев на его круглом тельце и без того росло немного, а от малейшего недовольства пищей они осыпались дождём. Стоило Сяоци облысеть, как он тут же заливался горькими слезами, превращаясь в жалкого маленького выщипка.

Птица отличалась редкостным самолюбием, и услышь он себя «лысыком» — залил бы слезами весь дом. Поэтому Чанмин называл питомца Сяо Тумао лишь мысленно.

Вздыхая от безысходности, Чанмин потакал любым безумным прихотям своего любимца. Почти все добытые честным трудом духовные камни уходили на покупку диковинных лакомств, из-за чего сам он вечно перебивался с хлеба на воду.

И всё же, несмотря на поистине материнскую заботу, за десять с лишним лет Сэ Сяоци так и не продвинулся в развитии: ни человеческого облика не обрёл, ни простейших чар не освоил. Крохи духовной силы в его тельце теплились, но цепкие лапки, как бы ловко они ни держали кисть, не годились для сотворения боевых печатей или владения оружием. Он не мог защитить себя сам, оставаясь всё тем же беспомощным маленьким недотёпой.

Теперь же, из-за непонятого сбоя в судьбоносном узоре, в своей третьей жизни Чанмин очнулся в одиночестве. Где сейчас Сэ Сяоци? Не обижают ли его дикие звери? А вдруг его поймал какой-нибудь живодёр, ощипал и зажарил на вертеле, не обращая внимания на безутешный плач?

В одном Чанмин был уверен твёрдо: изнеженный маленький бездельник без него долго не протянет.

Выждав, пока шаги дровосека окончательно затихнут вдали, Сэ Чанмин сделал несколько шагов к ближайшему дереву и бережно отломил усыпанную розовыми бутонами персиковую ветвь.

Присев на корточки, он расчистил небольшой клочок земли от сухой травы, подготавливая место для начертания Массива поиска духовной энергии.

Этот малоизвестный массив отличался замысловатым узором и практически полной бесполезностью в реальном бою, отчего мало кто из заклинателей утруждал себя его изучением. Суть его заключалась в поиске любых источников духовных колебаний в округе с помощью особого связующего проводника. Живое или неживое — магия откликалась на любой след энергии.

Гора, на которой очнулся Чанмин, была самой заурядной: без залёгших в недрах духовных жил и с крайне скудной концентрацией ци. Оборотни здесь вряд ли водились, а значит, если Сэ Сяоци действительно находился поблизости, обнаружить его слабую ауру с помощью этого массива не составит труда.

Используя персиковую ветвь вместо кисти, а нежные лепестки — как проводник воли, Чанмин быстрыми, уверенными движениями очертил контуры магического круга.

Сяоци питал слабость к благоухающим соцветиям, а поскольку весна была в самом разгаре и склоны покрылись розовым ковром, персиковый цвет подходил для поиска как нельзя лучше.

Без искры магии любой сложный узор оставался лишь каракулями на грязи. С момента пробуждения Чанмина не прошло и половины стражи, и взять духовную силу ему было неоткуда. К счастью, этот безобидный массив требовал ничтожно малой подпитки. Кровь любого живого существа, вскормленного землёй и небом, от природы содержала крупинцы первородной ци — этого вполне хватало для простого ритуала.

Чанмин прикусил палец, выдавил каплю крови на кончик ветви и завершил чертёж, выводя символ в самом центре — ключевое око массива, дабы пробудить древнюю силу.

Внезапно произошло непредвиденное. Стоило крови соприкоснуться с древесиной, как вспыхнуло ослепительное золотое пламя. Сказать, что ветка горела, было бы неверно: огонь не оставлял пепла, а просто бесследно стирал поражённую часть из бытия.

Изумившись, Чанмин сорвал край своего лопнувшего рукава и попытался сбить огонь. Однако пламя неохотно перекинулось на холстину и принялось так же медленно поглощать грубую ткань, растворяя её в пустоте.

В обеих прежних жизнях его кровь ничем не отличалась от человеческой. Неужели эти бесконечные блуждания по кругу перерождений и два прыжка в Бездну изменили саму его суть, превратив в какое-то иное создание?

Не зная, как укротить странную стихию, Чанмин инстинктивно подул на золотые языки. Пламя тут же погасло, обратившись лёгкой белесой дымкой. Когда туман рассеялся, ветви в его руках уже не было, а от обрывка рукава остался лишь обгорелый лоскут. Ни гари, ни сажки — ветка исчезла бесследно, словно её никогда не существовало.

Произошедшее озадачило Чанмина, однако сейчас некогда было ломать голову над этой загадкой. Главным оставалось одно — найти потерянную птицу.

Во втором воплощении Сяо Тумао также не встретил его при пробуждении. Сэ Чанмин безуспешно искал питомца долгие семнадцать лет, но вестей о нём удостоился лишь перед самой своей смертью.

Тогда Чанмин томился в глубоких казематах. К тому моменту он прослыл жестоким чудовищем, грозным демоном из Тридцати Трёх Демонических Небес, чья гибель принесла бы облегчение всему поднебесному миру. Спустя три дня его должны были сбросить в Бездну.

Однако истинная причина его заточения крылась вовсе не в совершённых им злодеяниях. Всеми виной был злополучный дикий плод, съеденный им десятилетним мальчишкой ради спасения от голодной смерти. Позже Небеса явили волю через священное пророчество: тот плод созрел из чистой злобы и ненависти обитавших в Бездне тварей, став семенем скверны, несущим хаос, падение нравов и гибель всему живому.

Поскольку Сэ Чанмин поглотил его, слившись с тёмной эссенцией воедино, он автоматически сделался олицетворением вселенского зла. Единственным спасением для мира было принести

его в жертву Бездне — скормить ненасытным духам, дабы первородная ярость вернулась к своему истоку и перестала отравлять Поднебесную.

Две его жизни были сломаны этим проклятием. Тридцатый год рождения стал неодолимым порогом — роковым рубежом, через который он не сумел перешагнуть дважды, каждый раз встречая кончину в двадцать девять лет. словно судьба издевалась над ним: жизнь, сохранённая им в детстве, должна была вернуться в лоно небытия ровно через двадцать лет.

Целый год и три месяца за ним велась непрерывная охота. За это время Сэ Чанмин срубил головы сорока семи праведным старейшинам на стадии Великого Перехода и двадцати четырёх демоническим владыкам Тридцати Трёх Демонических Небес. Сильнейших мастеров в мире осталось меньше десятка, и никто во всей Поднебесной не смел даже помыслить о победе над ним.

И всё же в самом конце к нему явился не грозный старец и не могущественный архидемон, а юный, едва заложивший основы духовного пути послушник.

Мальчишке было от силы лет семнадцать. Щуплый и бледный, он наслушался басен о свирепом, пожирающем сырое мясо чудовище по имени Сэ Чанмин и трясся от страха на протяжении всей дороги. Постоянно спотыкаясь и падая, он кое-как взобрался на вершину горы, но вместо свирепого монстра обнаружил юношу, мало чем отличавшегося от его собственных старших соучеников по ордену, разве что черты лица того были слишком благородными и красивыми.

Но внешняя благообразность не могла обмануть юнца и заставить его позабыть, что перед ним стоит величайший злодей современности. Собрав в кулак остатки храбрости, послушник выкрикнул:

— Вы ведь читали волю Небес! Если средоточие вселенского зла не понесёт кары, божественные законы потребуют забрать половину невинных жизней Поднебесной, дабы утолить голод Бездны!

Сэ Чанмин сидел на самом краю обрыва, баюкая на коленях Саблю Без Возврата. Он не стал убивать незваного гостя, да и вовсе не обратил на него внимания.

Почувствовав себя великим заступником всех смертных, мальчишка приосанился:

— Мой наставник поведал мне, что вы все эти годы отчаянно искали какую-то птицу. Даже погрязнув в скверне Царства демонов и спасаясь от праведных орденов, вы на протяжении семнадцати лет тратили целые состояния на поиски и скупку редких камней. Должно быть, эта птица дорога вам больше жизни.

Упоминание питомца заставило Чанмина медленно поднять голову и одарить юношу холодным взглядом.

Ветер неистово трепал полы лазурного одеяния послушника.

— Подумайте сами! Где гарантия, что ваше сокровище уцелеет, если половина живых существ будет стёрта с лица земли? Неужели вы готовы доверить её судьбу слепому случаю?

Чанмин опустил взор на Саблю Без Возврата, верно служившую ему последнее десятилетие. Лезвие клинка отливало беспросветной чернотой, не отражая и крупички света.

В своей прошлой жизни он владел Саблей Лазурного Отвращения. В отличие от Бугуй, созданной исключительно ради убийства, то было изящное, благородное оружие. В этой жизни он сменил клинок, ступил на путь тьмы и обрёл невиданное могущество, но так и не сумел отыскать своего глупого птенца.

Он до сих пор помнил, как впервые взялся за холодную сталь: прожорливый Сяоци тогда умудрился раздражить свору свирепых псов. С того самого дня Чанмин больше не выпускал оружия из рук.

Но на этот раз всё было иначе.

Сэ Чанмин тихо усмехнулся и со звоном убрал лезвие в ножны. Его Сяо Тумао никогда не отличался везением, и испытывать благосклонность небес Чанмин не желал.

Он повернулся к послушнику:

— Вы найдёте её. Выделите стражу, оберегайте от любых опасностей и невзгод, но не смейте тревожить. Снабжайте её лучшими духовными плодами, поите чистой родниковой водой из святых источников, чтобы она росла в сытости и покое.

Сяоци обожал блестящие самоцветы, светящиеся во тьме жемчужины и редкие ароматные травы — его содержание обходилось дороже, чем содержание целого дворца. Но теперь, когда Чанмин не мог быть рядом и защитить птицу от чужой алчности, владение подобными сокровищами принесло бы ему лишь беду.

Через три дня после того, как Чанмин сдался и был заточен в подземную темницу, тяжёлые ворота распахнулись. Сверху, преодолев десять тысяч восьмьсот каменных ступеней, спустился таинственный гость. Стражники пали ниц, благоговейно именую пришельца «Ваше Высочество» — никто из них не смел поднять глаз и взглянуть на его лицо.

Чанмин запомнил изысканный глазурированный фонарь в его руках, сплошь украшенный чистейшим нефритом. Внутри него горел не обычный фитиль, а мягко мерцала редкая жемчужина, заливая темницу ровным янтарным светом.

Пришелец тихо спросил:

— Так твоя единственная привязанность в этом мире — какая-то птица?

Силуэт гостя казался хрупким, а черты лица тонули во мраке. В памяти Чанмина он

запечатлелся как небожитель, привыкший созерцать мир с вершин вечных снегов, оберегаемый от земных бурь и чуждый мирской суете. Сможет ли такое создание отыскать его питомца? Чанмин сомневался.

Но почему-то вопреки здравому смыслу он ответил:

— Это очень глупая птица. Я вырастил её в холе и неге, а она, по глупости своей, потерялась.

Гость на мгновение замер, а затем негромко произнёс:

— У тебя есть её изображение?

Чанмин набросал портрет своего любимца. В юности он совершенно не владел кистью, но долгие годы поисков заставили его освоить это искусство в совершенстве. На бумаге маленький проказник сидел на ветке цветущего персика, забавно склонив голову набок и глядя прямо на своего хозяина — живой, точь-в-точь как настоящий.

Уходя, незнакомец изящным движением опустил глазурированный фонарь на каменный пол перед решеткой. Ночное сияние жемчужины заливало каземат бесконечные часы, словно бросая вызов вечной тьме.

В последнюю ночь перед казнью гость вернулся с известиями. На этот раз он пришёл без фонаря.

— Сколько лет назад она пропала? — спросил он из полумрака.

Мужчина стоял у самой решетки. Ростом он был чуть ниже Чанмина и теперь смотрел на него снизу вверх. В полутьме тускло блеснули его золотые глаза — абсолютно холодные, лишённые жизни, подобные замерзшему солнцу. В их безупречной красоте таилась смертоносная стужа, способная опалить любого, кто посмеет в них заглянуть.

Чанмин не отвел взгляда:

— Семнадцать лет.

Гость опустил ресницы, и его тихий голос прозвучал как приговор:

— Ошибки быть не может. Она мертва. Уже несколько лет.

Глупая птица... его невезение действительно перешло все границы — он не дождался его даже в этот раз.

Сэ Чанмин отступил на шаг вглубь камеры и устало прикрыл глаза.

Янтарное сияние жемчужины в брошенном на полу фонаре мгновенно угасло. Снаружи всполошились стражники. То была не простая темница: её стены сдерживал великий массив,

подпитываемый силой восьми уцелевших мастеров Великого Перехода, но даже столь грозные путы оказались бессильны перед пробудившейся мощью Сэ Чанмина.

Сквозь гул в ушах Чанмин расслышал испуганный шепот одного из охранников:

— Ваше Высочество, зачем вы сказали ему?..

Согласно божественному пророчеству, Сэ Чанмин должен был ступить в Бездну живым. Убивать его запрещалось, более того — следовало исполнять любые его прихоти, дабы не навлечь гнев тёмных сил. Но теперь мечта, ради которой он добровольно шёл на смерть, обратилась в прах.

Чанмин открыл глаза. Его таинственный собеседник стоял неподвижно, склонив голову набок. Он всё ещё держал веки опущенными, но по его бледной щеке медленно катилась одинокая слеза, похожая на каплю расплавленного золота.

Чанмин замер в недоумении. Он не понимал, почему этот величавый праведник оплакивает его потерю.

Что ж, пускай так. Роковой рубеж тридцатилетия всё ещё ждал его впереди, оставляя в запасе целых семнадцать лет, чтобы изменить начертанную на небесах судьбу. А его глупый, избалованный птенец... лишившись защиты своего хозяина, он погиб где-то в неизвестности, встретив свой конец в одиночестве.

Прошлое сгорело дотла, бывшие печали унёс ветер. В ушедшей жизни он сполна поквитался со всеми врагами. Его единственной неразрешённой распрей с волей Небес оставался тот злополучный плод. С момента, как он проглотил его, минуло три года — обратно его уже не выплюнуть, так что с проклятием придётся разбираться по ходу дела.

Но сейчас важнее всего было вернуть своего птенца.

<http://bllate.org/book/18249/1750578>